

Научная статья

УДК 81`42

DOI: 10.24412/2076-913X-2024-456-118-134

ПОКАЗАТЕЛИ КАТЕГОРИИ ДОСТОВЕРНОСТИ И ИХ ДИСКУРСИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ-ХРОНИКИ С СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМ ТЕКСТОМ)

Орлова Наталья Васильевна

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия,

nvorl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена активной разработкой коммуникативных категорий в лингвистике, необходимостью апробации идеи вариативной реализации категории достоверности в разных типах дискурса. Цель статьи — показать репрезентации достоверности в полидискурсивном речевом продукте — книге о русской революции 1917 года, написанной в жанре хроники, переведенной на русский язык более чем через сто лет после выхода оригинального издания на итальянском языке, снабженной в переводном издании объемной сопроводительной информацией. В проблематику статьи входит описание дискурсивных детерминант, которые определили выбор субъектами разных дискурсов (хроникального, научного, переводческого) средств выражения данной категории. Методы исследования направлены на выявление вариативной семантики категории достоверности (семантический анализ высказываний, дефинитивный анализ слов), структуры этой категории (классификационный метод, метод оппозиций) и функционирования (жанровый анализ); используются качественно-количественная методика контент-анализа и элементы дискурса-анализа. Установлено, что автор хроники позиционирует себя как очевидца событий, что выражается в преобладании маркеров прямого доступа («я видел», «я помню»); достоверность реализуется у него в субординатных категориях информативности, интерпретативности, воздействия. В сопроводительном блоке книги транслируется коллективное знание современного научного сообщества; достоверность формируется субординатными категориями объективности, точности, рациональности; информативность и интерпретативность взаимодействуют как факты и их осмысление в составе умозаключений; безусловная и проблемная достоверность суждений специалиста сочетается с оценками «достоверно», «возможно, достоверно» и «недостоверно» в отношении текста хроникера. Степень достоверности хроники скорректирована в научном дискурсе в сторону понижения, «очевидец» приобретает черты «транслятора мифа». Переводческий дискурс сосредоточен на проблемной достоверности, отражающей трудности выбора адекватного варианта перевода. Проведенное исследование уточняет представления о вариативности репрезентации одной категории в рамках полидискурсивного текста, в частности выявляет нетривиальные показатели, специфические для конкретных дискурсов.

Ключевые слова: категория достоверности, показатели достоверности, дискурс, полидискурсивный текст, хроника, комментарий, перевод.

Для цитирования: Орлова, Н. В. (2024). Показатели категории достоверности и их дискурсивные детерминанты (на материале книги-хроники с сопроводительным текстом). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(56), 118–134. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2024-456-118-134>

Original article

UDC 81'42

DOI: 10.24412/2076-913X-2024-456-118-134

INDICATORS OF THE CATEGORY OF RELIABILITY AND THEIR DISCURSIVE DETERMINANTS (BASED ON THE BOOK-CHRONICLE WITH ACCOMPANYING TEXT)

Natalya V. Orlova

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia,

nvorl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Abstract. The relevance of the study is due to the active development of communicative categories in linguistics, the need to test the idea of variable implementation of the category of reliability in different types of discourse. The purpose of the article is to identify representations of reliability in a polydiscursive speech product — a book about the Russian revolution of 1917, written in the genre of a chronicle, translated into Russian more than a hundred years after the release of the original edition in Italian, supplied in the translated edition with voluminous accompanying information. The problems of the article include the description of discursive determinants that determined the choice of subjects of different discourses (chronicle, scientific, translation) of the means of expressing this category. The research methods are aimed at identifying the variable semantics of the category of reliability (semantic analysis of statements, definitional analysis of words), the structure of this category (classification method, opposition method) and functioning (genre analysis). The qualitative and quantitative methods of content analysis and elements of discourse analysis are used. It is shown that the author of the chronicle positions himself as an eyewitness of the events, which is expressed in the predominance of direct access indicators («I saw», «I remember»); reliability is realized in his subordinate categories of informativeness, interpretativeness, impact. The accompanying block of the book conveys the collective knowledge of the modern scientific community; reliability is formed by the subordinate categories of objectivity, accuracy, rationality; informativeness and interpretativeness interact as facts and their comprehension as part of conclusions; the unconditional and problematic reliability of the specialist's judgments is combined with the assessments «reliable», «possibly reliable» and «unreliable» in relation to the chronicler's text. The degree of reliability of the chronicle is adjusted downwards in the scientific discourse, the «eyewitness» acquires the features

of a «translator of a myth». The translation discourse is focused on problematic reliability, reflecting the difficulties of choosing an adequate translation option. The conducted study clarifies the ideas about the variability of the representation of one category within a polydiscursive text, in particular, it reveals non-trivial indicators specific to specific discourses.

Keywords: category of reliability, reliability indicators, discourse, polydiscursive text, chronicle, commentary, translation.

For citation: Orlova, N. V. (2024). Indicators of the category of reliability and their discursive determinants (based on the book-chronicle with accompanying text). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(56), 118–134. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2024-456-118-134>

Введение

Актуальность категориального подхода к явлениям языка и речи в последнее время выражается в особом интересе к коммуникативным категориям, предназначение которых — «обеспечение, организация общения индивида в обществе» (Вильчик, 2021, с. 279). одной из коммуникативных категорий является достоверность, определяемая в философии как «форма существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством)» (Прохоров, URL), а в лингвистике — как «соответствие высказывания некоторому положению дел в действительности» (Шилихина, Смирнова, 2021, с. 31). Коммуникативно-прагматическая природа достоверности обоснована ее сопряженностью не только с истиной, но и с искренностью и доверием (Панченко, 2010; Зехов, 2023). В силу семантики достоверности, ее показатели в разных языках пересекаются со средствами выражения эпистемической модальности и эвиденциальности (Максимчик, 2013; Seçkin, 2020). Эвиденциальность определяется как «любой способ экспликации источника информации с помощью специальных маркеров» (Вубее, 1985, р. 184). Считаю важным различать показатели прямой эвиденциальности (прямого доступа), «когда говорящий сам видел или был участником события» (Падучева, 2013, с. 10), и показатели косвенного доступа, к которым, в частности, относятся слухи (Wiemer, 2010).

Сегодня является доказанной вариативная реализация достоверности в разных типах дискурса (Панченко, 2014, 2015). Н. Н. Панченко утверждает, что дискурсивная вариативность этой категории «обусловлена вариативностью реализующих ее субординатных категорий и выражается в рамках противопоставлений “информативность – интерпретативность”, “информативность – воздействие”, “точность – приблизительность”, “точность – смысловая неопределенность”, “объективность – субъективность”, “рациональность – иррациональность”» (Панченко, 2010, с. 7–8). Дискурсы избирательны в отношении как самих оппозиций, так и частных значений оппозитивных признаков. Например, научный дискурс предусматривает соответствие действительности,

обоснованность, подлинность (Панченко, 2014, с. 156), но в отдельных дискурсивных практиках допускает экспансию показателей проблемной достоверности (Мочалова, Евтушенко, 2023).

Цель настоящей статьи — описание средств репрезентации категории достоверности в полидискурсивном речевом продукте — переводной книге-хронике с сопроводительной информацией. Ставятся следующие задачи: охарактеризовать условия, которые повлияли на выбор субъектами разных дискурсов (автором хроники, автором сопроводительных текстов, переводчиками) стратегии репрезентации достоверности; сопоставить статусы и показатели достоверности в этих дискурсах.

Методология исследования

Исследование опирается на сложившийся опыт моделирования категорий, в частности коммуникативных, что предусматривает выделение базового значения категории с его инвариантно-вариативным устройством, описание ее структурной организации и функционирования. Весьма продуктивной моделью описания категории достоверности является упомянутая ранее концепция Н. Н. Панченко, которая вписывается в триаду «семантика – структура – функционирование». Принимая ее за основу и используя ее понятийный аппарат, в рамках данного исследования будем фиксировать в каждом типе дискурса показатели безусловной достоверности, безусловной недостоверности, проблемной достоверности (достоверности в модальности «возможно»), выявлять средства, которые способствуют повышению либо понижению статуса достоверности высказывания; а также выделять и анализировать субординатные категории (Панченко, 2010, с. 7). Конкретные задачи решаются в статье с помощью семантического анализа высказываний, дефинитивного анализа слов, классификационного и оппозитивного методов, жанрового анализа. В целях формализации описания стратегий используется качественно-количественная методика контент-анализа. Настоящее исследование также базируется на достижениях дискурс-анализа, в частности метода интерпретации текста, выявляющей «зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики» (Чернявская, 2017, с. 88).

Материал исследования (Забугин, 2024) представлен в библиографическом описании следующим образом: «Забугин В. Н. Безумный исполин: документальная хроника русской революции / пер. с ит. А. И. Клюева, Т. В. Куринской; коммент. А. И. Клюева; вступ. ст. А. И. Клюева; послесл. Дж. П. Кастелли; пер. с ит. послесл. А. А. Гулидовой, А. И. Клюева, Т. В. Куринской. – М.: Индрик, 2024. – 416 с.». В Италии книга была издана в 1918 году и в 2019 году переиздана. Ее оригинальное название — «Il gigante folle. Istantanee della Rivoluzione russa». Переводное издание 2024 года снабжено объемной сопроводительной

информацией, что превращает его в многоголосый речевой продукт, в котором каждый речевой субъект тем или иным способом репрезентирует достоверность. Из спектра субъектов речи для анализа отобраны три: 1) хроникер В. Н. Забугин; 2) автор вступительной статьи, комментариев и примечаний; 3) переводчики. Индивидуально-личностные свойства двух последних субъектов речи мы не рассматриваем, сосредоточившись на установках соответственно научного и переводческого дискурса в целом.

Наиболее значимые для исследования лексемы переводного текста далее приведены с указанием на соответствующие лексемы в оригинале. Автор статьи благодарит А. И. Ключева, доцента Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, за помощь переводчика по верификации наблюдений, сделанных на основе русскоязычного материала.

Результаты исследования

Хроника

В. Н. Забугин — выпускник Санкт-Петербургского университета, историк, филолог-классик, религиозный мыслитель. С 1903 года проживал в Италии, в «Безумном исполине...» отразил свои впечатления от поездки в Россию, где находился с июня по октябрь 1917 года по поручению правительства Италии, которая в то время была союзницей России в Первой мировой войне. Миссией В. Н. Забугина, писавшего для итальянских читателей, было «распространение знаний о России с целью сближения двух народов» (Ключев, 2024, с. 38). Включая в название своей книги слово *istantanee* (буквально «снимки», в переводе — «документальная хроника»), В. Н. Забугин подчеркивает достоверность нарратива. В жанровом отношении текст действительно является хроникой, поскольку «отображает в хронологической последовательности подлинные события — исторические, семейные, светские и др.» (Дмитриев, URL). Длительное существование хроникального дискурса и история его изучения позволяют говорить о некоторых устойчивых признаках, помимо последовательности в изложении событий и наличия дат. Для отдельных культурных традиций, литературных направлений, конкретных произведений в разной степени актуальны такие признаки данного дискурса, как элементы художественности (роман-хроника, повесть-хроника), личное участие в событиях (дискурсивные практики на стыке литературы и журналистики), интерполяция документов, риторичность, собственный взгляд на происходящее, объяснительный характер текста и др. (Дунаев, 2022; Трыков, 2021).

Во вступительном слове В. Н. Забугин декларирует свою стратегию: «Я писал *нес metu, nec spe*³¹³ (в примечании 313 — «без страха и надежды»), последовательно фиксируя вещи, которые я видел, составляя их в простую картину,

без малейшей оглядки на личные предпочтения и не потворствуя госпоже Риторике» (с. 69; здесь и далее указаны страницы из источника (Забугин, 2024). — Н. О.). Определить, насколько эти декларации соответствуют реальности, помогает взгляд на текст сквозь призму категории достоверности.

В соответствии с заявленной стратегией главным показателем **безусловной достоверности** в нарративе В. Н. Забугина выступает показатель прямой эвиденциальности — перцептивный модус *vidi* / «я видел» (24 употребления в тексте перевода). Невозможность «видеть» и связанная с этим смена формы доступа к информации с прямой на косвенную специально оговаривается хроникером, подается как момент, понижающий достоверность (1–2):

(1) «Говорят, но я не видел, что там была даже орифламма с немецкой лентой и с лозунгом “Да здравствует мир, да здравствует немецкий пролетариат!”» (с. 160); (2) «Я вынужден рассказывать о героически-опереточном восстании рыцарей пикельхельма, опираясь на рассказы других, выбирая среди них наиболее достоверные...» (с. 185).

Характер информации, вводимой «я видел», неоднороден. В типичном случае это наблюдаемая фактологическая информация, которая у автора иллюстрирует или обосновывает наблюдения более общего характера, оценку событий, социально-политических явлений, политических фигур. Безусловная достоверность распространяется только на факты, убедительность умозаключений имеет проблемный статус, а оценки вовсе не подлежат верификации. Так, в (3) автор убеждает в процветании спекуляции в Петрограде; в (4) обосновывает непатриотическое поведение русских офицеров, которые подкармливают граждан вражеского государства; в (5) преобладает оценка:

(3) «Безудержная спекуляция всеми товарами вспыхивала, как пожар в девственном лесу:... я видел, как мои друзья из петроградских профессоров отправлялись к таинственному месту назначения с портфелем в руке. Они шли подшивать ботинки» (с. 168); (4) «Вспоминаю, что видел русского подпоручика (*sottotenente*), который увещевал своих друзей не давать милостыню оборванцу, просившему ее по-немецки. Друзья, однако же, давали» (с. 220); (5) «Я видел офицеров и солдат, которых сблизило совместное выздоровление и память об общих тяготах войны» (с. 287–292).

Формой прямого доступа к информации служит также модус «*ricordo*» / «помню» (8 употреблений). Отличительные черты высказываний с данным модусом — описательность, широкое использование выразительных средств, усиливающих воздействие текста на читателя, повышающих доверие к нему (6):

(6) «Я помню парад очередного батальона смерти на Невском в нежном и прозрачном свете белой ночи. Это были солдаты и моряки, грубые, в потертых мундирах, с черепом на нарукавном шевроне, осипшие от постоянных криков о смерти предателям и здравии родине. Один щуплый офицер, обгоревший на солнце, охрипший более других, останавливался время от времени и произносил перед толпой импровизированную речь» (с. 157).

Проблемную достоверность выражают средства косвенной эвиденциальности, прежде всего *dicono, che* / «говорят, что» (19 употреблений), *si diceva* / «поговаривали» (6 употреблений), *le voci* / «слухи» (5 употреблений). Очевидно, что без них невозможно «составить картину» происходящего с множеством локаций, событий, вовлеченных в них политиков и обычных людей. Кроме того, В. Н. Забугин многократно использует *sembra* / «кажется» (20 употреблений), транслируя, в зависимости от контекста, неточное знание либо неуверенное мнение.

Информация, которую хроникер не наблюдает сам, касается известных политических персон (император, императрица, Ленин, Коллонтай, Корнилов, Чернов и др.), Божественных существ и связанных с ними знамений (Пресвятая Богородица), статистических данных об экономике в России, о делах на фронте. Прибегая к пересказам, автор конкретизирует круг источников («специалисты говорят», «в Москве говорят», «говорят люди, которые вполне могут об этом судить», «по сообщениям... партий»), ссылается на рассказы отдельных лиц, которых, впрочем, не идентифицирует, если они не публичные персоны. Заботясь о том, чтобы повысить достоверность информации, хроникер сообщает о своих действиях по отбору сведений, полученных путем косвенного доступа (8):

(8) «Я расспросил десятки офицеров и солдат, сверяя слова каждого с аналогичными объяснениями их товарищей; в итоге у меня сложилось ясное, четкое и практически полное понимание ситуации» (с. 194).

Отношение к слухам обнаруживает в Забугине не только просвещенного наблюдателя, но и лицо небеспристрастное, не пренебрегающее иррациональными аргументами (9):

(9) «У меня не было возможности проверить слухи, согласно которым множество женщин и несколько десятков курсантов нашли свою смерть на якобинский манер в пучине Невы и Мойки, но справедливость требует принять во внимание легенды...» (с. 360).

Соотношение значений неточного знания и неуверенного мнения у «кажется» свидетельствует о балансе в хронике информативности и интерпретативности. Неточное знание устанавливается для фактологической информации (10), неуверенное мнение — для представления «мира идеального» — абстрактных рассуждений, выводов о намерениях персонажей и т. д. (11):

(10) «Теперь он оставил свои диктаторские стремления и воюет, кажется, среди калединских казаков» (с. 334); (11) «Кажется, Ленин полностью одобряет эти цели» (с. 102).

Широкая представленность показателей проблемной достоверности в тексте хроники дает основание для некоторой корректировки тезиса автора о том, что у него сложилось «ясное, четкое и практически полное понимание ситуации» (пример 8). Во всяком случае, осмысление увиденного и пережитого ограничено областью неизвестного (неточное незнание) и сомнительного

(неуверенное мнение). Интересно, однако, что значение **безусловной недостоверности** почти не имеет в тексте В. Н. Забугина явных проявлений. Это связано с установкой хроникального дискурса на сообщение того, что было, а не того, чего не было. Лишь в одном случае, комментируя информацию о себе самом, В. Н. Забугин использует прямой показатель безусловной недостоверности: *«мне ошибочно приписали...»* (с. 59).

Говоря о значении безусловной недостоверности, обсудим функционирование в хронике глагола *sembrava* / «казалось». Вводный глагол «казалось», по словам Е. В. Падучевой, «дает эффект синхронного наблюдателя (обычного в нарративном режиме)» (Падучева, 2006, с. 502). Нарративный режим хроники объясняет высокую частотность «казалось» — не только как вводного, но и как предикативного (всего 16 употреблений). Среди случаев использования обнаруживаются такие, которые выражают значение «несоответствия мнения (или восприятия) действительности (при субъекте во 2-м или в 3-м лице)» (Падучева, 2006, с. 502). Путешествие В. Н. Забугина и создание им текста не были полностью синхронными. После возвращения в Италию В. Н. Забугин знал то, чего не знали герои его книги и он сам летом-осенью 1917 года. Он выразил это знание «из будущего» в форме, маркирующей перерастание неуверенности третьих лиц (12) или себя-в-прошлом (13) в недостоверность, провозглашаемую хроникером. Недостоверность выражается в правом контексте (*однако...*) или открывается читателю в фоновых знаниях, изменившихся со времени описываемых событий:

(12) «...генерал Корнилов также счел невозможным отдать бразды военной власти до выяснения того, что казалось ему досаднейшим недоразумением» (с. 323); (13) «Казалось, что одного движения войска достаточно для того, чтобы буржуазия вышла из того гипнотического состояния, в которое ее погрузил крайний социализм. Однако...» (с. 162).

Итак, позиционируя себя как очевидца событий российской истории июня — октября 1917 года, автор прежде всего передает личные впечатления от увиденного и услышанного от разных людей. В то же время он осознанно отбирает информацию, заботится о повышении статуса достоверности сведений, к которым имел косвенный доступ, от наблюдений переходит к обобщениям, предлагает выразительные и эмоциональные оценки событий, людей (не пренебрегает «госпожой Риторикой»). Информативность в нарративе В. Н. Забугина сочетается с интерпретативностью, воздействием, иррациональностью.

Вступительная статья, комментарии и примечания

Автор сопроводительного текста, кандидат исторических наук, историограф, не эксплицирует стратегию, касающуюся достоверности его собственных суждений: в научном дискурсе последние «по умолчанию должны быть

достоверными» (Шилихина, Смирнова, 2021, с. 37). В то же время во вступительной статье специально говорится о статусе достоверности текста хроники. По словам историка, «публикуемый текст — это не только (и даже не столько) свидетельство о революционном процессе 1917 года, но и документ русской эмиграции, характеризующий деятельность тех ее представителей, кто, пытаясь выглядеть беспристрастно, оказывался в числе творцов весьма неоднозначного “русского мифа”» (с. 45–46). Здесь же приводится напоминание о ненадежности свидетельских впечатлений вообще (14) и указание на то, что В. Н. Забугин опирался на недостоверную информацию в частности (15):

(14) «...“казус Забугина” подтверждает старую максиму о том, что статус свидетеля тех или иных событий и процессов вовсе не является маркером истинности изложения» (с. 48); (15) «Некоторые пассажи В. Н. Забугина просто ставили нас в тупик, потому что это были пересказы слухов, которые зачастую довольно давно опровергнуты в науке, а чаще всего не имели под собой каких-то серьезных оснований» (с. 48).

Конкретные суждения о достоверности приводятся в корпусе комментариев и примечаний. Помимо сведений, излагаемых хроникером, ученый маркирует в данном аспекте свою интерпретацию неясных мест хроники, в также суждения историографов, касающиеся личности и биографии В. Н. Забугина. В двух последних случаях рефлексия о достоверности появляется, когда истины невозможно достичь по объективным причинам. Здесь сосредоточимся на оценках достоверности текста хроники.

Интересны комментарии, подтверждающие **безусловную достоверность** сказанного В. Н. Забугиным. Их необходимость, на первый взгляд, сомнительна (если все было так, как пишет хроникер, то к чему комментировать?). По-видимому, появление таких комментариев объясняется актуальностью в научном дискурсе субординатных категорий точности, объективности, рациональности. В комментариях данные категории представлены ярче, чем в хронике. Рассмотрим пример (16), где первая часть принадлежит В. Н. Забугину, вторая — автору комментария:

(16) «В сущности, она [русская революция. — Н. О.] превратила в пыль буржуазную демократическую идеологию образца 1830 года с ее культум избирательного бюллетеня»¹⁹³ — «¹⁹³На протяжении XIX в. в странах Западной Европы и США широко развивалось движение за расширение избирательных прав и увеличение числа избирателей. Подобная мера воспринималась как важный инструмент для решения текущих социальных и экономических проблем. Современные исследователи полагают, что борьба за избирательную реформу была обусловлена социальными трансформациями, характерными для XIX в., а именно урбанизацией, снижением роли аристократии, становлением буржуазии и пролетариата» (с. 106–107).

Образность («превратила в пыль») сообщает фразе В. Н. Забугина приблизительность и смысловую неопределенность, увеличивает интерпретационный

потенциал суждения. Автор комментария информирует о причинах того, что В. Н. Забугин называет «культом избирательного бюллетеня», высказывается более пространно, при этом безобразно и безоценочно, а следовательно, более точно. Ссылка на «современных исследователей» здесь, как и во многих других комментариях, придает тексту объективность. Субъект речи представлен как коллективный, им является сообщество ученых.

В ряде комментариев подтверждается истинность включенных в хронику документов и их содержания. Оценка достоверности в них бывает основана на сопоставлении с архивными источниками, как в примере (17), где речь идет о «Воззвании к народу» генерала Корнилова:

(17) «⁴⁹⁶Воспроизведено по.: ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 44. Л. 54. В. Н. Забугин воспроизводит обращение Л. Г. Корнилова к народу достаточно точно, что указывает на его непосредственное знакомство с текстом» (с. 326).

Большая часть комментариев, которые касаются сведений, излагаемых хроникером, относится к зоне **проблемной достоверности**. Автор комментария говорит об отсутствии доказательств того, что сведения В. Н. Забугина верны, но прямо их не опровергает. Позиция В. Н. Забугина в этих комментариях, как правило, объясняется слухами, которые функционировали в обществе во время его пребывания в России. Таким образом, ученый вступает в диалог не только с В. Н. Забугиным, но и с «распространенным мнением», т. е. отзывается на феномены общественного сознания в 1917 году. Поскольку слухи однозначно не определяются как правдивые или ложные сведения, читатели комментариев, подобных (18), переживают состояние когнитивной неопределенности относительно степени достоверности описываемых событий:

(18) «Он работал на немецкие деньги¹⁷⁵, и работал много...» — «¹⁷⁵На сегодняшний день твердых доказательств того, что В. И. Ленин работает на немецкие деньги, не существует. Однако многие современники верили в эти слухи» (с. 99).

Другим способом показать проблемную достоверность информации является обращение к понятию «версия». Данный способ соответствует норме научно-справочного дискурса, отражает ограниченность современного знания, применяется в ситуации объективной невозможности установить одну-единственную истину (19):

(19) «Их последние жертвы — почтенный Шингарев¹¹⁸, почтенный Кокошкин¹¹⁹, киевский митрополит Владимир¹²⁰, косвенно — генерал Каледин»¹²¹ — «¹²⁰Согласно одной из версий, митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский) был расстрелян большевиками 25 января 1918 г.» (с. 70).

В некоторых случаях автор комментариев использует нетривиальные способы поставить под сомнение суждения автора хроники. В (20) он никак не оценивает истинность суждения В. Н. Забугина о том, кто помог союзникам-румынам; однако посредством добавления информации указывает на неполную достоверность факта; читатели комментария могут воспринять это как знак неосведомленности хроникера либо тенденциозности его позиции:

(20) «Далекая и одинокая Румыния. Но не брошенная. Франция подросла вовремя, чтобы протянуть ей руку помощи»⁴⁵⁴ — «⁴⁵⁴После оставления Бухареста и отступления румынской армии румынские военные получили поддержку от русского и французского командования» (с. 295).

Наконец, автор комментариев оценивает информацию из хроники как **безусловно недостоверную**, показателями чего являются предикативные единицы («явно ошибается», «неверно указывает»), в том числе включенные предикаты («ошибочно»), модальные средства («в действительности», «на самом деле» и др.). Как правило, безусловная недостоверность утверждается относительно сведений фактического характера, в этом случае в комментарии приводится истинный факт (21). Если В. Н. Забугин, по мнению автора комментария, ошибается в интерпретации, его точка зрения корректируется экспликацией позиции современной исторической науки (22):

(21) «²³²В действительности даты приезда в Петроград В. И. Ленина и В. М. Чернова не совпадали» (с. 137); (22) «Апостолы ленинского слова и их достойный товарищ Чернов пребывали в те дни в комфортных условиях эмиграции»¹⁵² — «¹⁵²Согласно оценкам современных историков, В. М. Чернова безосновательно обвиняли в пробольшевистских симпатиях» (с. 82).

Независимо от того, какой круг явлений становится объектом оценки достоверности у автора вступительной статьи, комментариев и примечаний, в сопроводительном материале четко выделяются средства повышения и понижения статуса достоверности. К первым относятся ссылки на документальные источники или научную литературу (23); ко вторым — отсутствие источников или недоверие к ним (24):

(23) «...³⁸⁹Вероятно, речь идет об истории заселения Рима... См. Тит Ливий. История Рима от основания города / пер. В. М. Смирин. М., 1989. Т. 1. С. 16» (с. 248); (24) «²²См. воспоминания Н. П. Забугина о Первой Киевской гимназии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/kpg/0002997a.htm> (дата обращения: 09.03.2024). К сожалению, у нас нет никакой информации о происхождении данного текста» (с. 18).

Позиция историографа выражена различными репрезентациями недостатка знаний, необходимых для достоверных утверждений о фигуре В. Н. Забугина и его книге: «при нынешнем состоянии источников неизвестно»; «Возможно... Этого мы не знаем...»; «К сожалению, нам ничего не известно...»; «Состоялся ли диспут, не ясно, автор не ссылается ни на какие источники» (с. 34–35).

Таким образом, в соответствии с установками научного, в том числе научно-справочного, дискурса автор сопроводительного текста опирается на средства косвенного доступа к информации, к которым относятся ссылки на документы и мнение сообщества современных историков. Информативность и интерпретативность взаимодействуют у него как факты и их осмысление в рамках умозаключений. Важными субординатными категориями являются объективность, точность, рациональность. Конкретную гносеологическую

ситуацию, а именно то, что имя В. Н. Забугина как представителя русских ученых-эмигрантов только начинает привлекать внимание специалистов, отражает субординатная категория недостаточности знаний.

Перевод

В данном случае категория достоверности соотносится с достоверностью перевода. Во вступительной статье приведена позиция субъектов переводческого дискурса по отношению к объекту речемыслительной деятельности — тексту на итальянском языке: «...Мы старались “двигаться” максимально близко к тексту, понимая, что текст написан прежде всего для итальянцев, и старались максимально бережно передавать реалии, нюансы и стилистику итальянского языка» (Клюев, с. 48).

Для субъектов переводческого дискурса достоверность актуализируется в сегменте проблемного статуса, отражая сомнения переводчиков. Сошлемся на С. В. Власенко, которая, говоря о переводческом дискурсе, приводит основания «рассматривать процесс перевода как практику принятия решений в условиях неопределенности» (Власенко, 2015, с. 128). Безусловная достоверность реализуется по умолчанию, безусловная недостоверность по умолчанию же исключается. Текст В. Н. Забугина представлял для переводчиков объективную сложность, причины которой изложены во вступительной статье А. И. Клюева к «Безумному исполину...» (с. 46–49). Неудивительно, что в некоторых случаях переводчикам приходилось эксплицитировать проблемную достоверность. Это делалось одним из трех способов.

Во-первых, после перевода в скобках приводился оригинал; здесь характерный случай — названия военных институтов, званий, должностей, в русскоязычных эквивалентах которых переводчики не уверены (25):

(25) «Будут ли это обычные полковые трибуналы (tribunali reggimentali) или, я не знаю, те описанные в хрониках довольно поучительные случаи, когда солдаты верховодят над офицерами?» (с. 230).

Во-вторых, после перевода приводился оригинал, который снабжался метатекстовым включением «Так у автора» или аналогичными. Это делалось в случаях, когда в оригинальном варианте допущена ошибка — как в (26), где указано неправильное название лестницы в Зимнем дворце, или как в (27), где образ на итальянском языке не соотнесен с чертами внешности известного лица. В ситуации, когда достоверность перевода вступает в конфликт с достоверностью текста хроники, подобное переводческое решение разрешает возникшую антиномию:

(26) «Раненые повсюду: у роскошной белой Иорданской лестницы (scalone di S. Giovanni)³⁰², еще одного шедевра Растрелли...» — ³⁰²Так, у автора (с. 189);
(27) «Маленький, нервный, жилистый, стриженный под ежик³⁶⁹, генерал поселился

в бывшем императорском особняке в Могилеве». — «³⁶⁹Автор использует в данном случае выражение «*gicciato come un'istrice*», что дословно можно перевести «кучерявый как дикобраз», что не имеет смысла. Вероятно, В. Н. Забугин просто ошибся при описании Л. Г. Корнилова» (с. 236).

В-третьих, если фрагмент исходного текста оказывался вторичным по отношению к тексту русскоязычного документа (обычно опубликованной речи) и находился с ним в отношениях аппроксимации, итальянский текст не переводился на русский язык, а воспроизводился по русскоязычному источнику, что оговаривалось в примечании. Пример такого решения в статье приведен под номером (17). Если же расхождения между русскоязычным документом и италоязычным текстом В. Н. Забугина были значительными, осуществляется перевод, а в примечании приводился русскоязычный источник с оговорками, например: «...в речи А. Ф. Керенского прозвучала следующая фраза...» (с. 304); «В. Н. Забугин несколько редуцирует выступление А. В. Керенского на заседании Думы 15 февраля 1917 г. Полностью фраза...» (с. 82).

Итак, в переводческом дискурсе его субъект имеет прямой доступ к информации в виде текста на исходном языке. Категория достоверности в этом дискурсе представлена проблемным статусом, отражающим сомнения переводчиков в правильности решения либо конфликт между собственно переводческой достоверностью (установкой на точность передачи итальянского текста на русский язык) и передачей информации, соответствующей «миру действительности». В переводческом дискурсе актуальны субординатные категории точности, информативности в сочетании с интерпретативностью (так как переводческое решение в трудном случае всегда одна из интерпретаций) и объективностью. Близость переводческого дискурса к научному в объекте исследования усиливается тем, что один из переводчиков «Безумного исполина...» одновременно является историком и автором сопроводительного текста.

Заключение

Хроника, с одной стороны, ее перевод и сопроводительный текст к ней — с другой, были созданы в далеких друг от друга дискурсивных условиях (временной и культурный разрыв, разный объем общих и специальных знаний, разные цели субъектов речи). Каждый раз дискурсивные условия детерминировали соотношенность категории достоверности со специфическим объектом: в хронике это события в России июня – октября 1917 года; в переводе — италоязычный текст; в научном дискурсе — текст хроникера в его соотношенности с действительностью.

Все дискурсы объединяет значимость достоверности для их субъектов: хроникер и переводчики подтвердили это манифестацией стратегии достижения максимальной правдивости (правдоподобия) продуктов своей деятельности; в случае научного дискурса истинность сведений как цель специалиста-

историка подразумевалась по определению. Показатели достоверности обусловлены предназначением дискурса: хроникер представляет себя очевидцем (источник знания — восприятие, другие люди); автор комментария — членом современного научного сообщества (источники знания — исторические документы, работы коллег); переводчики — профессиональными интерпретаторами текста на чужом языке.

Автор хроники обращается к средствам, повышающим статус достоверности в глазах читателей, использует показатели безусловной и проблемной достоверности, но не безусловной недостоверности; информативность как субординатная категория достоверности сочетается в его дискурсе с интерпретативностью, воздействием, субъективностью, иррациональностью. В сопроводительном тексте статусы достоверности, декларируемые в хронике, частично скорректированы в сторону понижения; безусловная и проблемная достоверность суждений комментатора сочетается с оценками «достоверно», «возможно, достоверно» и «недостоверно» в отношении текста В. Н. Забугина. Среди субординатных категорий доминируют объективность, точность, рациональность; информативность и интерпретативность взаимодействуют как факты и их осмысление в рамках умозаключений.

В переводе представлена проблемная достоверность, отражающая трудности выбора наиболее точного варианта перевода. Близость переводческого и научного дискурсов проявляется в способах разрешения конфликта между собственно переводческой достоверностью (установкой на точность передачи итальянского текста на русский язык) и необходимостью оценить информацию, не соответствующую «миру действительности» (установкой на истинность передаваемых сведений в научном дискурсе). В подобных случаях читателю предоставляется информация, отвечающая позициям обоих дискурсов.

Проведенное исследование не решает вопрос о том, насколько сопроводительная информация, отражающая состояние современной науки, влияет на восприятие «далекого» дискурса, на степень доверия к нему со стороны читателя. Полагаем, что перевод «Безумного исполина...» В. Н. Забугина и введение книги в русскоязычное культурное пространство будет способствовать решению этого и других вопросов гуманитарного знания.

Список источников

1. Вильчик, М. К. (2021). Статус коммуникативной категории эгоцентризма в американской лингвокультуре. *Современные исследования социальных проблем*, Т. 13, 3, 274–292.
2. Достоверность. (2000). *Большой энциклопедический словарь*. 2-е изд. А. М. Прохоров (Ред.). Большая Российская энциклопедия.
3. Шилихина, К. М., & Смирнова, В. В. (2021). Дискурсивные маркеры проблемной достоверности в выступлениях TED Talks: корпусный анализ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3, 30–38. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3577>

4. Панченко, Н. Н. (2010). *Достоверность как коммуникативная категория* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград].
5. Зехов, Б. З. (2023). Содержание категории «достоверность» в юридических и иных гуманитарных науках. *Теория и практика общественного развития*, 3, 150–153.
6. Максимчик, О. А. (2013). Шкала достоверности в английском языке. *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*, 2(25), <https://cyberleninka.ru/article/n/shkala-dostovernosti-v-angliyskom-yazyke/viewer>
7. Seçkin, A. (2020). When the Owner of Information is Unsure: Epistemic Uncertainty Influences Evidentiality Processing in Turkish *Lingua*, vol. 247, 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102989>
8. Bybee, J. (1985). *Morphology: a study of the relation between meaning and form*. *Benjamins*, vol. 9.
9. Падучева, Е. В. (2013). Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? *Русский язык в научном освещении*, 2(26), 9–29.
10. Wiemer, B. (2010). Hearsay in European languages: Toward an integrative account of grammatical and lexical marking. In G. Diewald, E. Smirnova (Eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages* (pp. 59–132). De Gruyter Mouton.
11. Панченко, Н. Н. (2014). Вариативность достоверности в научном дискурсе. В А. Г. Пастухов (Отв. ред.). *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе* (с. 151–157). Межвузовский сборник научных трудов. Орловский государственный институт культуры.
12. Панченко, Н. Н. (2015). Достоверность как междискурсивная категория. *Дискурс-Пи*, 3–4, (20–21), 169–171.
13. Мочалова, Д. А., & Евтушенко, Т. Г. (2023). Коммуникативная категория достоверности в устном научно-популярном дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16(7), 2229–2234.
14. Чернявская, В. Е. (2017). Операционализация контекста в дискурсивном анализе. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 9(4), 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93>
15. Забугин, В. Н. (2024). *Безумный исполин: документальная хроника русской революции*. Индрик.
16. Клюев, А. И. (2024). *Sine ira et studio: Владимир Забугин и его «Безумный исполин»*. В В. Н. Забугин. *Безумный исполин: документальная хроника русской революции* (с. 9–54). Пер. с ит. А. И. Клюева, Т. В. Куринской; коммент. А. И. Клюева; вступ. ст. А. И. Клюева; послесл. Дж. П. Кастелли; пер. с ит. послесл. А. А. Гулидовой, А. И. Клюева, Т. В. Куринской. Индрик.
17. Дмитриев, Д. В. (Ред.). (2003). *Хроника. Толковый словарь русского языка*. АСТ, Астрель. <https://gufo.me/dict/dmitriev/xronika>
18. Дунаев, А. Е. (2022). Смысловые доминанты дискурса о Жанне д'Арк в «Хронике кайзера Сигизмунда» Э. Виндека. *Эволюция и трансформация дискурсов* (с. 112–123). Сборник научных статей. Центр периодических изданий Самарского университета.
19. Трыков, В. П. (2021). Светские хроники Марселя Пруста. *Новый филологический вестник*, 2(57), 312–321.
20. Падучева, Е. В. (2006). Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации. *Вереница литер* (с. 498–515). Языки славянской культуры.

21. Власенко, С. В. (2015). Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 2, 124–144.

References

1. Vilchik, M. K. (2021). The Status of the Communicative Category of Egocentrism in American Linguistic Culture. *Modern Studies of Social Issues, Vol. 13, 3*, 274–292. (In Russ.).
2. Credibility. (2000). *The Great Encyclopedic Dictionary*. 2nd ed. A. M. Prokhorov (Ed.). The Great Russian Encyclopedia. (In Russ.).
3. Shilikhina, K. M., & Smirnova, V. V. (2021). Discursive Markers of Problematic Credibility in TED Talks: corpus analysis. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 30–38. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.3/3577> (In Russ.).
4. Panchenko, N. N. (2010). *Credibility as a communicative category*. [Abstract of a Doctor of Philological Sciences Dissertation: 10.02.19. Volgograd]. (In Russ.).
5. Zekhov, B. Z. (2023). The content of the category «credibility» in legal and other humanitarian sciences. *Theory and Practice of Social Development*, 3, 150–153. (In Russ.).
6. Maksimchik, O. A. (2013). Credibility Scale in the English Language. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, 2(25), <https://cyberleninka.ru/article/n/shkala-dostovernosti-v-angliyskom-yazyke/viewer> (In Russ.).
7. Seçkin, A. (2020). When the Owner of Information is Unsure: Epistemic Uncertainty Influences Evidentiality Processing in Turkish *Lingua, Vol. 247*, 1–20 <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102989>
8. Bybee, J. (1985). *Morphology: a study of the relation between meaning and form*. *Benjamins, vol. 9*.
9. Paducheva, E. V. (2013). Is there grammatically expressed evidentiality in the Russian language? *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii*, 2(26), 9–29. (In Russ.).
10. Wiemer, B. (2010). Hearsay in European languages: Toward an integrative account of grammatical and lexical marking. G. Diewald, E. Smirnova (Eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages* (pp. 59–132). De Gruyter Mouton.
11. Panchenko, N. N. (2014). Variability of credibility in scientific discourse. In A. G. Pastukhov (Editor-in-chief). *Genres and types of text in scientific and media discourse* (pp. 151–157). Interuniversity collection of scientific papers. Orlovskij gosudarstvennyj institut kul'tury`. (In Russ.).
12. Panchenko, N. N. (2015). Credibility as an interdiscursive category. *Discourse-Pi, 3-4 (20-21)*, 169–171. (In Russ.).
13. Mochalova, D. A., & Evtushenko, T. G. (2023). The communicative category of reliability in oral popular science discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 16(7), 2229–2234. (In Russ.).
14. Chernyavskaya, V. E. (2017). Operationalization of context in discourse analysis. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 9(4), 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93> (In Russ.).
15. Zabugin, V. N. (2024). *The Mad Giant: Documentary Chronicle of the Russian Revolution*. Indrik. (In Russ.).
16. Klyuev, A. I. (2024). Sine ira et studio: Vladimir Zabugin and his «Mad Giant». In V. N. Zabugin. *The Mad Giant: A Documentary Chronicle of the Russian Revolution*

(pp. 9–54). Transl. with it. A. I. Klyueva, T. V. Kurinskaya. Comment A. I. Klyueva. Entry Art. A. I. Klyueva. Afterword J. P. Castelli. Lane with it. afterword A. A. Gulidova, A. I. Klyueva, T. V. Kurinskaya. Indrik. (In Russ.).

17. Dmitriev, D. V. (Ed.) (2003). Chronicle. *Explanatory dictionary of the Russian language*. AST, Astrel. <https://gufo.me/dict/dmitriev/chronicle> (In Russ.).

18. Dunaev, A. E. (2022). Semantic Dominants of the Discourse on Joan of Arc in E. Windeck's «The Chronicle of Kaiser Sigismund». *Evolution and Transformation of Discourses* (pp. 112–123). Collection of Scientific Articles. Centr periodicheskix izdaniy Samarskogo universiteta. (In Russ.).

19. Trykov, V. P. (2021). Marcel Proust's Secular Chronicles. *New Philological Bulletin*, 2(57), 312–321. (In Russ.).

20. Paducheva, E. V. (2006). Introductory Verbs: Speech and Narrative Mode of Interpretation. *A String of Letters* (pp. 498–515). *Yazyki slavyanskoj kul'tury*. (In Russ.).

21. Vlasenko, S. V. (2015). Translation discourse: dilemmas of definition and unification of the concept. *Moscow state university bulletin. Series 22. Translation theory*, 2, 124–144. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Васильевна Орлова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Information about the author

Natalya V. Orlova — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Dostoevsky Omsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.